

УДК 323
ББК 66.3
М19

*Публикация подготовлена и издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного
фонда (РГНФ), проект № 11-03-00202а*

Рецензенты: д-р истор. наук А. И. Миллер,
д-р полит. наук И. С. Семененко

Малинова О. Ю.

М19 Актуальное прошлое: Символическая политика
властвующей элиты и дилеммы российской иден-
тичности / О. Ю. Малинова. — М. : Политическая
энциклопедия, 2015. — 207 с. — (Россия. В поисках
себя...).

ISBN 978-5-8243-1952-1

Книга посвящена изучению одного из аспектов политики иден-
тичности в постсоветской России — эволюции подходов властвующей
элиты к использованию национального прошлого в меняющемся поли-
тическом и идеологическом контексте. На основе анализа нормативных
актов РФ, публичных выступлений президентов РФ и других политиков,
занимавших ключевые позиции в федеральной исполнительной и за-
конодательной власти, а также материалов СМИ прослеживаются эта-
пы формирования «официального» исторического нарратива. Особое
внимание уделяется реинтерпретации двух центральных событий со-
ветского периода: Октябрьской революции 1917 г. и победы в Великой
Отечественной войне, — а также изменению репертуара используемого в
политических целях прошлого.

Книга предназначена для специалистов-обществоведов, а также для
всех, кто интересуется проблемами политики и истории в современной
России.

УДК 323
ББК 66.3

ISBN 978-5-8243-1952-1

© Малинова О. Ю., 2015
© Политическая энциклопедия,
2015

Оглавление

Современные практики политического использования прошлого как предмет исследования	5
Прошлое как ресурс и объект современной политики	12
Проблема понятийного аппарата.	16
Политическое использование прошлого как составляющая символической политики.	22
1. Переосмысление символа Октябрьской революции в постсоветской России	32
«Главное событие XX века» в идеологических битвах начала 1990-х гг.	36
Несостоявшееся «согласие и примирение»	56
Память о революции и репрезентация политических изменений.	62
«Нормализация» советского прошлого: технологии символической политики 2000-х гг.	68
«Октябрьский переворот» или «Великая российская революция»?	84
2. Политическое использование символа Великой Отечественной войны.	88
1990-е гг.: в поисках новых подходов к политическому использованию памяти о войне	91
2000-е гг.: память о Великой Отечественной войне как «универсальный» символический ресурс	100
«Фальсификации истории» и другие вызовы официальной версии памяти о Великой Победе	115

3. Репертуар политически актуального прошлого в риторике президентов РФ (1991–2014)	128
Использование национального прошлого для легитимации действующей власти (анализ посланий президентов РФ Федеральному Собранию РФ, 1994–2012 гг.)	130
Тематический репертуар памятных речей президентов РФ (2000–2014 гг.).	156
Заклучение. Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности	175
Литература и источники.	185

Современные практики политического использования прошлого как предмет исследования

«Общепринятые» представления о прошлом являются одной из главных опор идентичности современных политических сообществ. То, что иногда называют «публичной историей» в отличие от «формальной» или «профессиональной» – репрезентации и интерпретации прошлого, адресованные широкой аудитории неспециалистов, – оказывает существенное влияние на формирование представлений о нас и мобилизацию групповой солидарности. Прошлое служит «строительным материалом» для конструирования разных типов социальных идентичностей, однако особое значение оно имеет для воображения наций. Большинство исследователей национализма согласятся с утверждением Д. Белла: «Чтобы сформировать... чувство единства с другими людьми, принадлежащими к той же нации, необходимо, чтобы индивид мог отождествлять себя с разворачивающимся во времени нарративом», в котором нации «отводится центральная и позитивная роль» [Bell, 2003, p. 69]. Не случайно в рамках сложившейся (и трудно поддающейся изменению) традиции именно нации/государства стали главными объектами историографического описания.

После распада СССР все бывшие союзные республики столкнулись с необходимостью формирования новых национально-государственных идентичностей на основе наличных символических ресурсов. В случае России задача осложнялась множеством факторов как структурного, так и агентивного (субъектного) характера. С одной стороны, приходилось принимать в расчет ограничения, заданные контекстом: факт трансформации внутренних административных границ в государственные; плоды советской

деленные усилия для его развития, прежде всего с целью конкретизации «тысячелетней истории» России. Однако этим усилиям до недавнего времени недоставало системности, которая особенно важна, учитывая что при составлении рабочих графиков президентов приходится принимать в расчет множество факторов. Анализ поводов для «юбилейных» выступлений первых лиц заставляет предположить, что на их выбор заметное влияние оказывают соперничающие группы интересов. При этом ведомства, отвечающие за образование, науку и культуру, явно уступают по своим лоббистским возможностям силовым структурам, государственным корпорациям и отдельным регионам.

Вместе с тем в результате смены курса символической политики в начале 2000-х гг. оказались частично демонтированы практики коммеморации событий новейшей российской истории, складывавшиеся в предыдущее десятилетие. Представляется, что это не слишком дальновидно с точки зрения формирования идентичности макрополитического сообщества, стоящего за современным Российским государством, которое во многих отношениях является *новым*: институционализируемая в виде праздников, традиций и ритуалов память о недавнем прошлом – это символическая инвестиция, с которой нужно продолжать работать в расчете на «отдачу» в более далекой перспективе. В конце концов, новейшая история России – это тоже часть ее «тысячелетнего прошлого».

Заключение . Эволюция символической политики и дилеммы российской идентичности

Практика политического использования прошлого властвующей элитой в полной мере отражает дилеммы, с которыми сопряжено конструирование идентичности общества, стоящего за современным Российским государством. Демонтаж советского режима облегчался распадом поддерживавшего его идеологического «метанарратива», который произошел еще в конце 1980-х гг. [Gill, 2013]. Однако для мобилизации поддержки трудных реформ требовалось найти какие-то «замещающие» конструкции. В отсутствие готовой «теории посткоммунистической трансформации» наиболее очевидным способом построения такого рода конструкций стала переоценка опыта «Запада» и собственного прошлого.

Отвергнув коммунистическую идеологию и провозгласив в качестве официальной цели развитие рынка и демократии, Россия стала идентифицировать себя с ценностями, которые в логике «холодной» войны приписывались «Западу». Казалось, это открывает перспективу для пересмотра прежних моделей идентификации в системе координат Восток – Запад. Однако трудности с продвижением реформ и недостаток признания со стороны Западного Другого сделали новые ценностные основания коллективной идентичности постоянным источником противоречий. С одной стороны, очевидная неспособность отвечать «западным» стандартам побуждает российскую элиту прибегать к «почвеннической» стратегии, предполагающей оценку по «нашим собственным» критериям. С другой стороны, в новой конфигурации мировой политической системы сохранение хотя бы формальной приверженности ценностям свободы, демокра-

тии и рынка является условием притязаний на желаемый международный статус. В силу этого российская политика идентичности колеблется между полюсами «западничества» и «почвенничества», оппозицию которых пока не удается преодолеть. Во многом формальный характер декларируемых ценностей является главным препятствием для конструирования нового исторического нарратива, способного связать прошлое с настоящим и будущим.

В не менее значительной степени поиски ценностных оснований постсоветской идентичности опирались на переосмысление отечественной истории. Однако и здесь действия акторов символической политики наталкивались на очевидные ограничения. С одной стороны, критика советского прошлого была главным инструментом легитимации реформ, начатых новым режимом. С другой стороны, общество, вступившее в период трудной и болезненной трансформации, отчаянно нуждалось в позитивных символах, способных служить опорой для образов желаемого будущего. Стоит отметить, что «критический» нарратив не был изобретением ельцинской властвующей элиты – он достался ей в наследство от перестройки. В большинстве стран, прошедших через подобные системные трансформации, «проработка прошлого» откладывалась «на потом». В России начала 1990-х гг. эти задачи пришлось совмещать, и опыт оказался неудачным. Вместе с тем построение нового нарратива коллективного прошлого, способного «заменить» распавшийся советский, невозможно без критической «проработки» и моральной оценки трагических страниц истории.

Не меньшие трудности возникают с выбором «легал», по которым должна строиться новая макрополитическая идентичность. В силу ряда причин России сложнее, нежели другим постсоветским государствам, сделать выбор в пользу доминирующей в современном мире модели нации. Это обусловлено не только советским способом реше-

ния «национального вопроса», вследствие которого любые шаги по пути нациестроительства рассматриваются сквозь призму конкуренции за символические ресурсы, связанные со статусом «нации». Проблема еще и в конфигурации «материала», из которого строится новая российская идентичность, в частности в особенностях закрепления прошлого в историографии и «инфраструктуре» коллективной памяти. Как верно подметил В. Морозов, одной из ключевых проблем конструирования новой российской идентичности по модели нации стало отсутствие в начале 1990-х гг. «альтернативного имперскому исторического нарратива, который мог бы послужить основой для самоидентификации России как нового национального государства» [Морозов, 2009, с. 580]. Кроме того, империи оставляют в «наследие» политические и культурные ресурсы, делающие возможным воображение макрополитического сообщества в наднациональной/цивилизационной системе координат [Малинова, 2013, с. 349–369]. И хотя исторически строительство многих современных наций имело место именно в «ядрах» империй [Миллер, 2008, с. 26–35], трудно отрицать, что «выкраивание» национального нарратива из «ткани» имперского прошлого – это задача непростая как в интеллектуальном, так и в политическом отношении. Подобная переоценка прошлого чревата ослаблением не только «опор» коллективной идентичности, но и международного статуса. Вместе с тем сохранение «имперской» парадигмы тоже сопряжено с негативными последствиями, поскольку создает почву для фрустрации и ностальгии по утраченному «величию».

Эти и другие дилеммы определяли рамки возможного для постсоветской политики идентичности. Векторы последней не раз менялись то более, то менее существенно. Обобщая результаты этого и других исследований, можно выделить четыре этапа эволюции символической политики, проводившейся от имени государства.

1990-е гг. прошли под знаком острой конфронтации между сторонниками и противниками Б. Н. Ельцина. *На начальном этапе* символическая политика исполнительной власти развивала *критический нарратив*, продолжавший переоценку отечественной истории, начатую в годы перестройки. Риторика президента и его соратников была всецело подчинена оправданию курса на радикальную трансформацию «тоталитарного» порядка (формулировки целей имели отчетливые коннотации с идеологемами холодной войны), что влекло за собой критику советского опыта. Отношение к дореволюционному наследию было более сложным. С одной стороны, начатые преобразования интерпретировались как «восстановление связи времен», разорванной в годы советской власти. С другой стороны, корни многих современных проблем усматривались в дореволюционной истории: в высказываниях самого Ельцина и представителей его «команды» можно обнаружить немало критических высказываний в адрес наследия прошлого, затрудняющего движение к желанным целям. «Восстановление связи времен» требовало кропотливой работы по переосмыслению интерпретации отечественной истории, покоившейся на идеологических схемах, доставшихся в наследство от советского времени (и, в свою очередь, впитавших многое из дореволюционного нарратива героического «революционно-освободительного движения»). Здесь трудно было ожидать быстрых результатов, однако важно было поставить соответствующие цели. К сожалению, понимание важности этой задачи пришло лишь в начале 2010-х гг. А в начале 1990-х символическая политика властвующей элиты была всецело подчинена решению текущих проблем. Казалось, что главное – сделать постсоветский переход необратимым, остальное «само собой устроится». Российская идентичность конструировалась на основе новых «демократических» ценностей и по контрасту с прошлыми эпохами. В этой связи было бы логич-

но формировать «инфраструктуру» памяти о ключевых событиях новейшей истории; однако в условиях жесткого противостояния с оппонентами в законодательной власти исполнительная власть не предпринимала систематических усилий в этом направлении. Вместе с тем, пытаясь адаптировать для использования в новом контексте отдельные элементы советского наследия (прежде всего – память о Великой Отечественной войне), Ельцин и его соратники были вынуждены конкурировать с «народно-патриотической оппозицией», использовавшей более удобную стратегию частичной трансформации прежнего нарратива.

О второй половине 1990-х гг. можно говорить как о самостоятельном этапе, поскольку в этот период имела место частичная корректировка официальной символической политики: на смену принципиальному отрицанию «тоталитарного прошлого» пришла установка на «примирение и согласие». Она отчетливо проявилась после выборов 1996 г. (приглашение к разработке «национальной идеи», переименование 7 ноября в День примирения и согласия, история с перезахоронением останков членов царской семьи и др.), однако первые признаки нового подхода обозначились уже во время подготовки к празднованию 50-летия Победы. Одним из его результатов стало закрепление постсоветского ритуала празднования Дня Победы (ежегодные военные парады на Красной площади, Красное Знамя Победы в качестве официального символа и др.). Впрочем, политика «примирения» скорее носила декларативный характер: главной целью властвующей элиты ельцинского призыва оставалась легитимация непопулярных решений, принимавшихся под лозунгом «борьбы с тоталитарным режимом», и это обстоятельство не позволяло уйти от практики использования прошлого по принципу контраста с настоящим. Вместе с тем более отдаленное прошлое в политической практике 1990-х гг. использовалось мало, что можно объяснить, с одной стороны, отсутствием «го-

тового» нарратива, который позволял бы связать наследие доимперского и имперского периода с современными задачами конструирования макрополитической идентичности, а с другой стороны – недостатком ясности в отношении оснований, границ и ценностно-смыслового содержания последней. Во всяком случае, заказ на разработку нарратива, пригодного в новом контексте, сформулирован не был. Не разделяя в полной мере интерпретацию коллективного прошлого, предложенную в конце 1980-х – начале 1990-х гг. «демократами», власть по прагматическим соображениям вынуждена была ее придерживаться, что делало артикулируемые ею идеи абсолютно неприемлемыми для «народно-патриотической оппозиции».

С приходом к власти В. В. Путина в практике политического использования прошлого произошли изменения, знаменовавшие наступление *третьего этапа* государственной символической политики. В 2000-е гг. сложился новый принцип построения официального нарратива: новая Россия была объявлена законной наследницей «тысячелетнего государства», таким образом, во главу угла ставилась *премственность*. Не будучи в отличие от своего предшественника связан принадлежностью к политико-идеологическим лагерям 1990-х гг., В. В. Путин мог себе позволить использовать идеи и символы из репертуара «народно-патриотической оппозиции», казавшиеся абсолютно неприемлемыми «демократам». Однако инновации заключались не только в избирательной «реабилитации» советских символов. Был найден новый стержень символической политики – им стала идея великодержавности, проецируемая на всю «тысячелетнюю историю» России. В новом официальном дискурсе именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) стало представляться в качестве ценностного стержня, скрепляющего макрополитическую идентичность.

Это было удобное технологическое решение, позволявшее избирательно использовать советское прошлое, исключая при этом из репертуара наиболее одиозные моменты (примечательно, что аналогичные изменения в отношении к советскому прошлому социологи отмечают с начала 2000-х гг. и на уровне массового сознания). Вместе с тем это было *использование прошлого в технике коллажа*: символическая политика двух первых президентских сроков В. В. Путина отличалась принципиальной эклектичностью, совмещение элементов противоположных смысловых систем не сопровождалось их содержательной реинтерпретацией, хотя объектами официальной номинации оказывались взаимоисключающие – в логиках прежних «символических битв» – идеи и символы. Это особенно очевидно в дискуссии о «суверенной демократии»: ее участники спешили заполнить контуры «удобной» в функциональном отношении схемы путем механического соединения элементов разных дискурсов. При этом они мало заботились о правдоподобности аргументов: вырванным из контекста устоявшихся нарративов символам прошлого приписывались совершенно новые смыслы [Сурков, 2006; Сурков, 2007]. Такая технология позволяла обозначить контуры модели коллективной идентичности, предлагаемой властвующей элитой, однако она не могла обеспечить формирование *связных и устойчивых* представлений о коллективном прошлом, настоящем и будущем, ибо исходно не была на это нацелена.

Символическая политика Д. А. Медведева может рассматриваться как продолжение и развитие путинской эклектики, хотя в ней наблюдались и новые тенденции, которые были связаны как с изменением внешнего контекста («войны памяти»), так и с некоторыми инновациями спичрайтеров и личностными особенностями лидера.

Подводя итоги символической политики 1991–2011 гг., можно отметить две ее характерные особенности. Во-

первых, государственным решениям, направленным на формирование «инфраструктуры» коллективной памяти, очевидно, не хватало целостной стратегии, а зачастую – элементарной последовательности. Вместе с тем символическая политика требует системности: чтобы закрепить интерпретацию в массовом сознании, требуются время, ресурсы и целенаправленная работа по разным каналам – образование, СМИ, официальная риторика, литература, кинематограф, ритуалы и т. п. Кроме того, формирование «подходящего» исторического нарратива предполагает выстраивание смысловых связей между символами прошлого; работа с ними в технике коллажа – паллиативное решение. Во-вторых, как я попыталась показать в третьей главе, следствием такого подхода является узость репертуара символов, событий, фигур прошлого, пригодных для мобилизации национальной солидарности. Если первое обстоятельство обусловлено нерешенностью множества фундаментальных вопросов и противоречивостью продвигаемой властью модели идентичности, то второе – следствие неготовности властвующей элиты работать с «трудным» прошлым, занимая определенную «позицию» в спорах, которые не прекращаются в обществе.

В 2011–2012 гг. на фоне президентской избирательной кампании, сопровождавшейся протестным движением в ряде крупных городов, наметились определенные изменения в символической политике, которые позволяют говорить о начале *следующего, четвертого, этапа*¹. Его

---

¹ Применительно к политике памяти А. И. Миллер считает возможным начинать современный этап с 2010 г., аргументируя это переключением дискуссий с внешнеполитических «фронтов» на внутрироссийские, что было обусловлено, с одной стороны, спадом активности в спорах с Польшей, Украиной, Молдовой и прибалтийскими республиками, и с другой – стремлением разных политических игроков ис-

характерная особенность – более пристальное внимание к политике идентичности, что выразилось не только в ряде программных заявлений В. В. Путина (в том числе – в предвыборной статье про «национальный вопрос», констатации «дефицита духовных скреп» в послании 2012 г., «валдайской речи» 2013 г., неоднократных встречах с историками и музейщиками и др.), но и в отмеченном выше заметном расширении тематического репертуара «актуального» прошлого. Пожалуй, наиболее красноречивым свидетельством повышенного внимания к исторической политике стала инициированная президентом кампания по подготовке Концепции нового учебно-методического комплекса (УМК) по отечественной истории. Все это дает основание полагать, что именно в последние два-три года наметившееся еще в 2000-х гг. стремление расширить репертуар политически «пригодных» событий, иллюстрирующих «тысячелетнюю историю» России, стало приобретать признаки более систематической стратегии.

Вместе с тем и первые результаты применения такой стратегии, и используемые при этом технологии вызывают противоречивые оценки. С одной стороны, можно согласиться с выводом А. И. Миллера: власть стремится не только определять повестку дня в области политики памяти, но и контролировать общественные дискуссии о прошлом с помощью созданных по ее инициативе квази-экспертных центров – Ассоциации школьных учителей истории и обществознания (2010 г.), Российского исторического и Российского военно-исторического обществ (2012 г.). С другой стороны, по его же справедливому заключению, эти центры «не только опосредовали» политику власти, «но и (отчасти) выступали как площадки для

пользовать тему прошлого для «набирания очков» в условиях политической неопределенности перед президентскими выборами 2012 г. [Миллер, 2013, с. 120].

артикуляции экспертного и общественного мнения» [Миллер, 2013, с. 122–124], что, казалось бы, создает условия для взаимодействия профессиональных сообществ и власти «в режиме диалога и даже согласия» [Миллер, 2014, с. 49]. Тем не менее решения, принятые в 2014 г. на фоне украинского кризиса, – «мемориальный» закон, устанавливающий уголовную ответственность за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, совершенные публично» [ФЗ, 2014, № 128–ФЗ], заявление министра культуры В. Медведского о нецелесообразности принятия программы по увековечению памяти жертв политических репрессий (позднее под давлением президентского Совета по развитию гражданского общества и правам человека дезавуированное В. В. Путиным) и другие меры, более подробный анализ которых можно найти в статье Миллера [там же] – свидетельствуют о стремлении части властвующей элиты свернуть начатые дискуссии о «трудных моментах» истории и авторитарно навязать *апологетический нарратив* национального прошлого. Едва ли нужно говорить, что это крайне тревожная тенденция.

Литература и источники

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Афанасьев Ю. Прошел год // Год после Августа. Горечь и выбор. М.: Литература и политика, 1992. С. 7–12.

Ачкасов В. А. Роль политических и интеллектуальных элит посткоммунистических государств в производстве «политики памяти» // Символическая политика: Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 126–148.

Ачкасов В. А. «Политика памяти» как инструмент конструирования постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. XVI. № 4 (69). С. 106–123.

Барт Р. Мифологии / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2010.

Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.

Бовин А. Великая революция // Известия. 1997. № 211 (25064). 5 ноября. С. 4.

Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. Доклад на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР // Правда. 1977. № 307 (21642). 3 ноября. С. 2–3.

Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 2007.

Буртин Ю. Новый строй: виды на будущее // Московские новости. 1994. № 54. 9 ноября.

Бушуев В. Не катастрофа, а спасение // Правда. 1997. № 167 (372). 6 ноября. С. 1–2.

В день памяти жертв политических репрессий Святейший Патриарх Алексий и президент России посетили Бутовский полигон // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/314768.html>